

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.6.5>

УДК 94(4)''1929/1931''

ББК 63.3(4)61

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ И ГЕРМАНО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ 1929–1931 гг.

Зотова Екатерина Викторовна

Аспирант кафедры международных отношений и зарубежного регионоведения,
Волгоградский государственный университет
romanovakaty34@gmail.com, nsh@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена изучению англо-германских отношений в период обострения территориальных споров между Германией и Польшей в 1929–1931 годах. Германия, вынашивая планы ревизии восточной границы, стремилась заручиться поддержкой нового лейбористского правительства. Великобритания пыталась следовать традиционной внешнеполитической концепции «баланса сил», однако неэффективность английской политики «посредничества» в европейских делах отчетливо проявилась в условиях растущего финансово-экономического кризиса. Вопрос о германо-польской границе остался открытым.

Ключевые слова: германо-польские отношения, британская дипломатия, лейбористы, Центральная Европа, ликвидационное соглашение, Г. Брюнинг, Г. Рэмбольд, Лондонская морская конференция 1930 г.

Политика второго лейбористского правительства Великобритании в отношении Германии была направлена на достижение главной цели английского курса в Европе – укрепления британских позиций в финансово-экономической и политической областях на европейском континенте, нейтрализации Франции в борьбе за экономическое и политическое преобладание в Европе, сохранения определенных политических преимуществ, достигнутых английской дипломатией в Локарно в 1925 году. Поддержка Германии, как противовеса усилившейся после Первой мировой войны Франции, являлась одним из факторов, определявших преемственность британской внешней политики в межвоенный период.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. Великобритания оказывала активную поддержку не только в укреплении политической и экономической ситуации в Германии, но и в разрешении территориальных вопросов: эвакуация

Рейнской области и германо-польская граница. Осуществляя внешнеполитическую стратегию «баланса сил», Великобритания поддерживала намерения Германии осуществить ревизию Версальского мирного договора [1]. Оказание помощи Германии было на руку Великобритании. Во-первых, поддержка Великобритании помогала повысить потенциал покупательной способности германского рынка как одного из традиционных рынков английского сбыта. Во-вторых, укрепление позиции германского кабинета означало неудачу французской политики в Европе на данном этапе. Поражение Франции в споре по вопросу о досрочной эвакуации рейнских зон, как предполагало британское руководство, могло бы всерьез обесценить внешнеполитические инициативы Парижа. И, в-третьих, английское правительство рассчитывало на то, что Германия войдет в орбиту британского политического влияния. Тождественность позиций германского и англ-

лийского кабинетов мыслилась в качестве одного из слагаемых успеха британской политики не только в отношениях с Францией и Италией, но и с Чехословакией и Польшей.

После досрочного освобождения от оккупации Рейнской области летом 1930 г. проблема германской восточной границы стала одним из «центров европейской политики» Великобритании [7, № 320].

Локарнские соглашения 1925 г. не предусматривали гарантированной европейскими странами восточной границы Германии. Польша оказалась потенциальным объектом германского экспансионизма. Первым требованием Германии после Локарно стало установление паритета с Польшей в качестве равноправного члена Лиги Наций и равенство в вооружениях.

В начале 1929 г. Великобритания стала проявлять все больше внимания к развитию отношений между Германией и Польшей. Интерес британских правящих кругов к состоянию германо-польских отношений чутко уловило и правительство Г. Мюллера.

Весной 1929 г. германское посольство в Лондоне начало осторожно зондировать вопрос о вероятном изменении восточных границ, в частности, о новом переделе территории Верхней Силезии, между Германией и Польшей. Последняя должна была передать Германии район Крулевской Гуты, получив взамен сельскохозяйственные угодья к западу от Люблинца и Тарновских Гур [5, с. 103]. Очевидное намерение германского руководства присоединить к своей территории промышленный район, отдав за это сельскохозяйственный, вызвало опасения польского правительства. Польша боялась, что германский план, встретив одобрение в Лондоне, может вызвать сочувствие и во французских правящих кругах.

В ходе предвыборной кампании весной 1929 г. в Великобритании лейбористская партия проявила определенный интерес к развитию германо-польских отношений. Накануне выборов в мае 1929 г. члены польского представительства в Лондоне имели ряд встреч с лейбористами. Последние не скрывали, что лейбористское руководство отрицательно настроено к позиции польского правительства по вопросу о Верхней Силезии. По мнению лейбористов, этот район следовало бы

передать Германии согласно ст. 19 Устава Лиги Наций.

Отрицательное отношение деятелей британской лейбористской партии к позиции Польши по важному вопросу германо-польских отношений, тем не менее, не повлияло на решимость польского руководства установить более тесные контакты с лейбористами как с вероятными победителями на парламентских выборах. По мнению польского посланника в Великобритании К. Скирмунта, целесообразнее было бы наладить их через посредничество польских социалистов, расценивая эту возможность как «шаг интересный и могущий дать результаты» (цит. по.: [5, с. 104]).

Отношения Великобритании и Польши не ограничивались чисто дипломатическими. Во время парламентских выборов в мае 1929 г. Варшаву посетила представительная делегация английских финансистов, парламентариев и промышленников во главе с лордом К. Лондондерри. Британскую делегацию интересовало не столько экономическое положение Польши, сколько вероятное поведение польского руководства в связи с активизацией усилий со стороны Германии по поводу германской восточной границы [там же, с. 105].

С формированием кабинета Р. Макдональда в британском курсе по урегулированию германо-польских отношений усилились антипольские настроения. Между тем британское руководство всячески давало понять, что угрозы нападения на Польшу со стороны Германии расцениваются правительством Великобритании как нереальные. В июне 1929 г. в беседе со К. Скирмунтом представители Форин оффис заявляли, что Германии и ее ревизионистским устремлениям противостоит серьезный перечень юридических документов: Устав Лиги Наций, локарнские договоренности, пакт Бриана-Келлогга. Данный правовой плацдарм не дает Германии никакой «легальной возможности для нападков на своих восточных соседей» [там же, с. 110].

Переломным моментом в развитии германо-польских отношений и внимания к их эволюции со стороны руководства Великобритании явилось завершение работы первой сессии Гаагской конференции по репарациям (6–31 августа 1929 г.). Несмотря на то что в

повестке дня не стояло вопросов, непосредственно касавшихся Польши, германское правительство сумело подписанное 30 августа 1929 г. соглашение о досрочном выводе оккупационных войск из Рейнской области использовать для усиления нажима на Польшу.

Лейбористское руководство отдавало себе отчет в том, что решение о досрочном выводе войск с оккупированной территории Германии может привести к невыгодному для Британии дисбалансу в польско-германских отношениях. Более того, в условиях надвигавшегося экономического кризиса существенно усилилось стремление английских деловых кругов к установлению прочных и выгодных финансово-экономических связей с европейскими государствами. 15 октября 1929 г. польское представительство в Лондоне было переведено в ранг посольства. По мнению английского руководства, подобное решение в глазах правительств европейских государств должно было означать возведение Польши в разряд весомых континентальных держав. Кроме того, правительство Великобритании руководствовалось и соображениями собственного престижа (в случае активного использования английскими деловыми кругами польского рынка), и стремлением несколько приглушить «басовые тона» германского правительства в отношении Польши [6, № 8–9].

31 октября 1929 г. Германия и Польша подписали ликвидационное соглашение, фиксирующее отказ от взаимных финансовых претензий двух стран. Борьба между различными партиями в германском рейхстаге по вопросу ратификации этого соглашения продолжалась в течение последнего полугодия пребывания у власти правительства Г. Мюллера – вплоть до смены его 30 марта 1930 г. правительством Г. Брюнинга. Борьба в правящих кругах Германии отражала столкновение сторонников «политики реванша» и «политики соглашения» относительно методов осуществления стоящих перед Германией внешнеполитических задач [3, с. 18]. В начале мирового экономического кризиса консервативно-националистические силы еще сотрудничали в главном с последователями курса Штреземана – этим и объясняется ратификация Германией 12 марта 1930 г. германско-польского ликвидационного соглашения. В

этот период германские правящие круги все более активно требуют от Великобритании поддержки в вопросе ревизии германской восточной границы – националистически настроенными кругами в Германии сохранение европейского мира ставилось в зависимость от решения вопроса о Верхней Силезии. Правительство Мюллера защищало положения германско-польского соглашения в тот момент, когда со стороны Немецкой национальной народной партии (НННП), возглавляемой А. Гутенбергом, и гитлеровской национал-социалистической партии усилилась антипольская кампания, вызванная решением правительства Польши экспроприировать немецкую земельную частную собственность в пределах польской территории в феврале 1930 года.

Посол Великобритании в Берлине Г. Рэмбольд, существенно повлиявший на выработку британского курса в отношении германско-польских вопросов, отмечал неуклонно растущую оппозицию ликвидационному соглашению. Главной причиной неприятия этого документа, по мнению Рэмбольда, являлось жесткое регламентирование вопроса восточных границ Германии – германские правящие круги «не делали секрета из своих чаяний, что придет время, когда они окажутся в состоянии провести полную ревизию этих границ». Подобная целеустремленность, по словам британского посла, не была подкреплена ясностью в выборе средств для этой цели. Сам Рэмбольд полагал наиболее осуществимой ревизию мирными средствами – с помощью ст. 19 Устава Лиги Наций, которая предусматривала «пересмотр договоров, ставших неприемлемыми... и изучение международных условий, развитие которых может угрожать миру во всем мире» [6, р. 487]. Г. Рэмбольд, тем не менее, не считал польский вопрос актуальным для германской внешней политики.

Демонстративный нейтралитет, занятый Великобританией в вопросе ликвидации Польшей германской земельной собственности, вызвал откровенное разочарование германского руководства. Министр финансов В. Дитрих заявил, что британская позиция по этому вопросу «вызвала недоумение» в Германии и «противоречит понятию права собственности, принятому во всех цивилизованных странах» [ibid., p. 469].

Между тем позиция английских правящих кругов не означала односторонней поддержки Польши. В одном из донесений посла Польши в Британии К. Скирмунта указывалось на продолжавшуюся прогерманскую кампанию в средствах массовой информации Великобритании, лейтмотивом которой являлось требование отторжения Польского коридора [5, с. 116].

В феврале-марте 1930 г. внимание британской дипломатии было сосредоточено на складывавшейся ситуации в политических кругах Германии по вопросу о вероятном отказе рейхстага от ратификации германо-польского ликвидационного соглашения. По мнению Г. Рэмбольда, вопрос о замораживании ратификации германо-польского соглашения по урегулированию взаимных финансовых претензий породил бы, в случае серьезных политических дебатов, критическую ситуацию для правительства Г. Мюллера. Примечательна и реакция заместителя министра иностранных дел Великобритании Р.Г. Ванситтарта, отметившего 26 февраля 1930 г., что информация Г. Рэмбольда содержит «весьма прозрачное предостережение» правительству Великобритании на будущее [6, р. 470].

Обеспокоенность британского руководства объяснялась тем, что отказ рейхстага ратифицировать соглашение между Германией и Польшей не входил в планы британских правящих кругов. Напротив, принятие германским рейхстагом соглашения в полном объеме отвечало интересам международного капитала по урегулированию острых финансовых противоречий среди европейских держав после их принципиального одобрения плана Юнга. Вместе с тем британское руководство понимало, что значение ратифицируемого соглашения с точки зрения больших возможностей для британского влияния на эти две страны невелико. В письме от 24 февраля 1930 г. послу Великобритании в Берлине министр иностранных дел Великобритании А. Гендерсон указывал, что «с юридической точки зрения, вряд ли стоит оценивать ликвидационное соглашение в качестве неотъемлемой части репарационных договоренностей», достигнутых в Гааге [ibid., р. 473].

Для английского правительства не являлось секретом, что противником Германии по

вопросу об изменении восточной границы является Франция. Различные департаменты Форин оффис изучали варианты возможных компромиссов между Германией и Францией, но пришли к выводу, что реальное экономическое и политическое сближение Германии и Франции возможно лишь в случае принятия последней германских требований в отношении Польши. В секретном послании руководителя центральноевропейского отдела Форин оффис О. Сарджента послу в Берлине от 24 февраля 1930 г. вопрос о германской восточной границе оценивается как основная задача внешней политики Германии в обозримом будущем. Британское руководство скептически относилось к вероятности сближения как Германии с Францией, так и Германии с Италией: все возможные переговоры прервутся на вопросе о восточной границе Германии. По мнению О. Сарджента, единственная неопределенность в этом вопросе заключалась в том, отойдет ли Германия от своих требований в отношении Польши, если будут решены в пользу Германии вопросы репараций и эвакуации Рейнской области [6, р. 474].

Интенсивная дипломатическая переписка руководства Форин оффис с послами в Париже, Берлине и Вене во второй половине февраля 1930 г. указывала на то, что Великобритания отдавала себе отчет в возможном ухудшении европейских отношений. Обеспокоенность британского правительства была связана с зашедшими в тупик дискуссиями на Лондонской конференции пяти держав (США, Англии, Франции, Италии и Японии) по морским вопросам, открывшейся 21 января 1930 года. Главным европейским соперником Британии на конференции являлась Франция, для которой Польша была давним союзником. 17 февраля во Франции ушло в отставку правительство А. Тардье, и французские эксперты были отозваны из Лондона. Понимая, что по вопросам военно-морских вооружений на конференции борьба еще не закончена, британское руководство не хотело оставлять Франции возможность использовать на конференции какие-либо действия Великобритании, которые могли бы быть расценены как против Польши. А. Гендерсон на просьбу польского посла изложить британскую позицию в отношении дебатов внутри правительства

Г. Мюллера ответил твердым отказом, заявив, что «ситуация не такова, чтобы правительство Великобритании могло официально вмешаться». Он подчеркнул, что Польше не следует ждать от Лондона каких-либо действий в свою пользу [5, с. 118–119].

Как считало английское руководство, отказ от ратификации ликвидационного соглашения в германском рейхстаге мог в большей степени повлиять на Францию в нежелательном для Британии плане, нежели вскрытые факты нарушения Германией военных ограничений, установленных Версальским мирным договором: в частности, речь шла о субсидировании и строительстве «карманных» крейсеров (трех германских военных кораблей: «Лютцов», «Адмирал Шеер» и «Адмирал Шпее»). Британия не желала усиления французских позиций на европейском континенте после своего фактического поражения в морском соперничестве с США, которое вылилось на Лондонской конференции по морским вооружениям [10, р. 156].

Оценка направлений германской внешней политики, данная в феврале 1930 г. О. Сарджентом, практически полностью была повторена в меморандуме заместителя министра иностранных дел Великобритании Р.Г. Ванситарта от 1 мая 1930 года. Англия продолжала считать польский вопрос главным направлением в германской внешней политике, несмотря на то что в Вене уже долгое время шли интенсивные переговоры по созданию таможенного союза между Австрией и Германией – первого шага на пути к политическому аншлюсу Австрии [6, р. 479].

Внешнеполитическая активность Великобритании в отношении Германии весной-летом 1930 г. заметно усилилась. Помимо обострения межпартийной борьбы внутри Англии, к причинам внешнеполитической активности Великобритании следует отнести и ряд других обстоятельств. После завершения Лондонской морской конференции Англия выступала посредником на переговорах между Францией и Италией по проблемам военно-морского строительства; английское руководство, ставшее арбитром в споре двух европейских держав по морским вопросам, имело многочисленные основания надеяться на выгодный для себя исход. При этом Лондон неоднократно и

умело использовал факты субсидирования и строительства «карманных» крейсеров в Германии для нажима на Францию.

Продолжавшаяся в условиях обострения мирового экономического кризиса таможенная война между крупнейшими капиталистическими державами вынуждала правительства европейских государств разрабатывать проекты создания нового экономического порядка на континенте. Франция 17 мая 1930 г. обнародовала меморандум об организации европейского федерального союза [11]. Принципиальное принятие плана «пан-Европы» Германией означало бы очевидный успех отставиваемой французским министром иностранных дел А. Брианом концепции «сближения» во франко-германских отношениях.

Как полагали в Форин оффис, франко-германское сближение имело немного шансов для своей успешной практической реализации. Однако, как считало английское руководство, более сильной гарантией, которой можно было бы разрушить французские надежды в отношении германского участия в «европейской федерации», должно стать разрешение вопроса о восточной границе Германии в пользу последней [6, № 231, 236, 237, 246].

Успех национал-социалистической партии, резко увеличившей свое представительство в германском рейхстаге в результате сентябрьских выборов 1930 г., по мнению британского посла в Берлине, «должен был привести к усилению нажима со стороны националистических кругов на германское правительство в вопросах внешней политики». Именно успех нацистов на выборах, подчеркивал Г. Рэмбольд, заставлял правительство Г. Брюнинга придерживаться наступательной внешней политики [7, № 329].

Озабоченность руководителей британской внешней политики появившимися признаками активного курса Берлина на континенте вызывалась опасениями по поводу возможной реализации плана Юнга. Угроза подобного требования со стороны Германии для английского правительства не была гипотетичной – во второй половине 1930 г. руководство Форин оффис получало многочисленные подтверждения тому, что план Юнга в самой Германии перестал быть объектом критики со стороны только КПГ и националистических кру-

гов [7, № 318–320]. Серьезность намерений германского кабинета подвергнуть полной ревизии план Юнга подтвердила и встреча руководства национальной народной партии Германии с министром финансов В. Дитрихом 11 сентября. Дитрих, по словам Г. Рэмбольда, «категорически отверг» распространявшиеся слухи о вероятном объявлении германским правительством моратория на репарационные платежи Германии, однако министр отметил, что «в Гааге достигнут, начиная с Версальского мирного договора, очевидный прогресс» в вопросе предоставления Германии равных с европейскими державами прав. Причины такого «поступательного и успешного» развития германский министр усматривал в том, что бывшие противники Германии понимали невозможность выдвигаемых ранее требований. По мнению Г. Рэмбольда, выступление Дитриха на этой встрече показывало решимость германского правительства добиться отмены репараций: «вопрос не в том, будет ли платить Германия, а в том, готовы ли другие по-прежнему получать?» [ibid., № 329].

Английская дипломатия была вынуждена более чутко прислушиваться к внутривнутриполитическому развитию Германии, ибо после сентябрьского успеха нацистов в германских правящих кругах стали всерьез поговаривать о «пользе» сотрудничества правящего кабинета Г. Брюнинга с лидерами НСДАП. Итоги выборов в рейхстаг в британской прессе осенью 1930 г. оказались второй крупной темой после проблемы безработицы, вокруг которой завязались серьезные дискуссии. Газета «Daily Herald» рассматривала итоги закончившихся выборов в Германии как очевидный, широко распространившийся мятеж против демократических институтов. Журнал «Foreign affairs» предупреждал держав-союзников относительно необходимых мер, которые крайне настоятельны, «чтобы распахнуть крепко затворенные окна, за которыми скрывается обида, и притаилось возмущение Германии». В качестве средства разрешения вероятных конфликтных ситуаций в будущем журнал предлагал Германии, в обмен на территориальные уступки, сделанные ей Польшей, «гарантированность последней ее восточную границу от посягательств со стороны СССР» [12].

Среди откликов британской лейбористской прессы особняком стояло признание журнала «The New Statesman and Nation», сделанное в канун выборов в Германии и касавшееся очевидного отхода министра иностранных дел Германии Ю. Курциуса от политики «выполнения», которой ранее придерживался Г. Штрезман. По мнению журнала, действия Ю. Курциуса лишь способствовали успехам фашистов и националистически настроенных кругов во главе с министром по делам оккупированных территорий в правительстве Г. Брюнинга Г. Тревиранусом. Эти успехи, отмечал журнал, не только ободряют и вдохновляют определенные «элементы» во Франции и Польше, но и приведут к потере симпатий к Германии тех многих англичан и американцев, «кто воистину стоит за исправлением мирных договоров, но достижимое не методами, которые могли бы гальванизировать довоенное пруссачество» [14].

С наступлением 1931 г. вопрос об обострении германо-польских отношений все более активно вставал на встречах официальных лиц, представителей деловых кругов и страницах прессы Англии и Германии. 17 января 1931 г. на встрече в Берлине с английским министром иностранных дел Ю. Курциус затронул вопрос о положении немецкого меньшинства в Верхней Силезии, подчеркнув, что не имеет намерений ставить на обсуждение в данный момент вопрос о ревизии границ. Отметив важность вопроса о границах, германский министр иностранных дел допускал в будущем возможность его отдельного обсуждения [7, № 352].

5 января 1931 г., в ходе беседы одного из советников британского посольства в Берлине Р. Вигрэма с высокопоставленными германскими чиновниками выяснились некоторые принципиальные требования германского правительства. По словам Р. Вигрэма, поддержка английского руководства в вопросах разоружения, которые в тот момент являлись первостепенной задачей Форин оффис, германскими официальными лицами рассматривалась исключительно в увязке с уступками в пользу Германии в вопросе о Польском коридоре [ibid., № 348].

Весной 1931 г. английская дипломатия, пресса и деловые круги страны пытались воздействовать на Польшу ввиду ее возможной оппозиции предпринимавшимся Германией мерам по созданию в Центральной Европе силь-

ного экономического и политического объединения двух германоязычных государств. Польша, как союзник Франции, не желала усиления германского влияния в Европе, отлично понимая, что подобная акция германского и австрийского правительств лишь усилит антипольский нажим со стороны Германии.

Британское правительство, осведомленное своим послом в Берлине о вестующихся переговорах за неделю до подписания таможенного соглашения Германии и Австрии, не выступило с официальным заявлением, осуждавшим Венский протокол о создании таможенного союза. Стремление играть роль посредника в урегулировании вопроса об австро-германском таможенном союзе сочеталось у английского руководства с попытками воздействовать на Польшу. В этой связи характерно отношение британской прессы. В марте 1931 г. «The News Chronicle» писала: «Тот факт, что Германии не нравится существующая граница, не является доводом, дающим право утверждать, будто эта граница подлежит модификации». Однако газета находила нужный выход из сложившейся ситуации в следующем утверждении: «Не оплатила бы Польша новый “модус вивенди” в германо-польских отношениях прибрежной территорией – между Восточной и Западной Пруссией – взамен на согласие Германии принять ситуацию в Верхней Силезии аналогично принятому ею положению в Эльзасе и Лотарингии?» [13].

24–25 марта 1931 г. в Лондоне состоялась Национальная конференция по вопросам безопасности, проводившаяся под эгидой пацифистской организации «Союз Лиги Наций». Среди присутствовавших находились видные политические деятели, бизнесмены и банкиры, военные, представители прессы. Повестка дня конференции была целиком посвящена отношениям между Германией и Польшей – возможности изменения восточной границы Германии, развитию германо-польской военной конфронтации и вероятности возникновения вооруженного конфликта между двумя странами. Речи высокопоставленных политических деятелей не оставляли сомнений относительно того, что Британия рассчитывает на поддержку Германии в европейской политике. Заявления сводились к утверждению, что в случае вооруженного конфликта или войны меж-

ду Германией и Польшей обязанностью Великобритании должно стать моральное способствование прекращению конфликта [5, с. 153].

Обострившийся финансовый кризис в Европе весной-летом 1931 г. вынуждал правительство Великобритании искать приемлемые для него варианты англо-германских сделок в отношении Польши. Большой резонанс на континенте в начале июня вызвали события в Бреслау – «великий марш» «Стального шлема», организованный 1 июня в связи с 12-летием первого похода, завершился многотысячным митингом под лозунгами воссоединения древних германских земель. Вечером того же дня в Германии произошли ожесточенные и кровопролитные столкновения между отрядами Красной гвардии КПГ и боевиками «Стального шлема» [2, с. 172].

Английская дипломатия не преуменьшала значения этих событий во Вроцлаве. Посол в Берлине Г. Рэмбольд отмечал, что «до этого сборища в Германии еще не было случая, чтобы интересы одной партии ставились бы выше интересов собственно страны». Руководство Форин оффис выглядело даже несколько растерянным, ибо события в Бреслау произошли накануне визита канцлера и министра иностранных дел Германии в Великобританию. Представительство Великобритании не могло не заботиться ухудшение внутривнутриполитической ситуации в Германии и падение престижа кабинета Г. Брюнинга. По словам Г. Рэмбольда, становилось очевидным тесное сотрудничество «Стального шлема» с НННП А. Гугенберга. В Форин оффис не исключали даже возможность, что события в Бреслау явились «контрмерой» со стороны «Стального шлема» начавшейся кампании рекрутирования в ряды НСДАП. «Митинг в Бреслау, – отмечал в своем донесении от 3 июня Г. Рэмбольд, – ...не может быть расценен иначе, как провокация против Польши, а также как подогревающий нездоровые страсти во Франции» [8, № 46].

Посол Польши в Великобритании на встрече 3 июня с Р. Ванситтартом выразил обеспокоенность своего правительства в связи с усилившимися антипольскими выступлениями Германии. К. Скирмунт просил Р. Ванситтарта поднять эту проблему на предстоящей встрече английского и германского руководства в Чекерсе. Ванситтарт, по сути, укло-

нился от прямого ответа: пообещав польскому послу «при удобном случае» высказать германскому канцлеру свое мнение по этому вопросу, британский дипломат заметил, что нынешнее состояние кабинета Г. Брюнинга не позволяет германскому правительству положить конец подобным выступлениям. По мнению Р. Ванситтарта, нынешний кабинет канцлера Брюнинга является именно тем правительством, о котором можно мечтать, но оно сталкивается постоянно с «устойчивыми и громадными» трудностями. Разочарование польского посла вызвали слова заместителя министра иностранных дел Великобритании о том, что правительство лейбористов ни при каких обстоятельствах не хотело оказаться причиной падения нынешнего германского канцлера. По словам Ванситтарта, попытки требовать «слишком многого» либо давление на правительство в данной ситуации могли привести к «более угрожающим последствиям», чем выступления «Стального шлема» [8, № 48].

Британская дипломатия всячески давала понять, что визит германских руководителей в Чекерс в начале июня 1931 г. имеет неофициальный характер, а результаты переговоров в Великобритании не будут носить никаких программных заявлений. Просьбы польского посла в адрес британского руководства повлиять на правительство Германии Д.Р. Макдональдом и А. Гендерсоном были проигнорированы. Итоги встречи в Чекерсе не только не принесли облегчения германо-польским отношениям, но и отразили очевидное предпочтение Германии в английских правящих кругах [4, с. 534]. Настроения английского правительства не являлись тайной для польской дипломатии: в канун визита Г. Брюнинга и Ю. Курциуса в Великобританию в июне 1931 года. К. Скирмунт, не раз встречавшийся с руководителями британского внешнеполитического ведомства, отмечал в своем донесении в Варшаву, что «очень выразительно звучала у А. Гендерсона нота об оказании нынешнему германскому правительству поддержки в той трудной ситуации, в которой оно теперь находится» [5, с. 159].

Политика лейбористского правительства Великобритании в отношении Германии в 1931 г., наиболее ярко проявившая себя в вопросах, связанных с репарационной проблемой

и в целом с финансово-экономическим положением в Германии, не исключала возможностей использовать в выгодном для Британии русле и острые противоречия в отношениях между Берлином и Варшавой. Однако если в целом прогерманская политика британской дипломатии в связи с развитием германо-польских отношений не вызывает сомнений, то тактика А. Гендерсона и Р. Ванситтарта могла весьма сильно различаться на протяжении достаточно короткого периода летом 1931 г. – от принятия президентом США Г.К. Гувером решения об одногодичном моратории на все межправительственные, включая и репарационные, платежи до созыва Лондонской конференции премьер-министров и министров иностранных дел Великобритании, Германии, Франции, Италии и Бельгии, открывшейся 20 июля 1931 года.

Мораторий Гувера и связанная с ним активность британской дипломатии, стремившейся добиться единодушного одобрения акции президента США державами континентальной Европы, вызвали сопротивление лишь французского правительства и, отчасти, правительства Бельгии. Германия, почувствовавшая поддержку официального Лондона в связи с мораторием, становилась все настойчивей в своих требованиях ревизовать установленную границу с Польшей. Неоднократные встречи представителей польского посольства в Лондоне с руководителями британского внешнеполитического ведомства не привели к благоприятному для Польши результату. Накануне ответного визита в Германию английского премьер-министра и министра иностранных дел в начале июля 1931 г. К. Скирмунт убеждал А. Гендерсона принять аргументы Польши в качестве единственного приемлемого варианта на переговорах в Берлине. По мнению польского посла, визит английских руководителей в Германию позволит британским министрам «иметь исключительный шанс заявить Брюнингу и Курциусу, что должна быть устранена занимаемая ныне Германией платформа, следуя которой Германия показывает оливковую ветвь Западу и опирается на пушки в отношениях со своими восточными соседями» [9, р. 130–131].

Неэффективность английской политики посредничества в европейских отношениях

отчетливо проявилась в условиях растущего финансово-экономического кризиса летом 1931 года. Ситуация в Германии диктовала западным державам необходимость поисков скорейшего выхода из тупика. Стремление Великобритании выработать на созванной в июле 1931 г. Лондонской конференции предварительные условия, направленные на свертывание репарационных обязательств, натолкнулось на решительную оппозицию Франции и США. Вопрос ревизии германо-польской границы, таким образом, на время утратил свое былое значение, однако в правящих кругах Великобритании крепко убеждение о серьезном пересмотре в дальнейшем традиционной платформы английской внешней политики. Именно проблема ревизии германо-польской границы послужила отправным пунктом для подготовки проекта новой концепции британской внешней политики, разработанной в Форин оффис под руководством О. Сарджента и Ф. Эштон-Гуэткина осенью 1931 г., во время нахождения у власти Национального коалиционного правительства Великобритании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Версальский договор. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров / под ред. Ю. В. Ключникова, А. Сабанина. – М. : Лениздат НКВД, 1925. – 196 с.
2. Газин, В. П. Германские монополии и политика правительств Веймарской республики в Центральной и Юго-Восточной Европе (1925–1932) / В. П. Газин. – Свердловск : УрГУ, 1988. – 204 с.
3. Зубачевский, В. А. Политика Германии в отношении Польши в связи с проблемой Данцига (Гданьска) и «Польского коридора» : дис. ... канд. ист. наук / Зубачевский Виктор Александрович. – Томск, 1986. – 242 с.
4. История дипломатии. Т. 3. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939 гг.) / под ред. В. П. Потемкина. – М. : ОРГИЗ, 1945. – 883 с.
5. Климовский, Д. С. Германия и Польша в Локарнской системе международных отношений: из истории зарождения второй мировой войны / Д. С. Климовский. – Минск : БГУ, 1975. – 288 с.
6. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. 1A. Vol. 7. German, Austrian and Middle East Questions 1929-30 / ed. by E. L. Woodward [et al.]. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1975.
7. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. 2. Vol. 1. London Naval Conference and European Affairs 1929-31 / ed. by E. L. Woodward [et al.]. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1946.
8. Documents on British Foreign Policy, 1919–1939. Ser. 2. Vol. 2. Austrian and German Affairs and the World Monetary Crisis 1931 / ed. by E. L. Woodward [et al.]. – L. : Her Majesty's Stationery Office, 1947.
9. Gilbert, M. The Roots of Appeasement / M. Gilbert. – L. : Weidenfeld & Nicolson, 1966. – 187 p.
10. Hall, Ch. Britain, America and the Arms Control, 1921–1937 / Ch. Hall. – N. Y. : Leamington Spa, 1987. – 283 p.
11. Mémoire sur l'organisation d'un régime d'union fédérale européenne. – Electronic text data. – Mode of access: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5613159m/f3.image> (date of access: 17.06.2014). – Title from screen.
12. The Foreign Affairs. – 1930. – Oct. (XII).
13. The News Chronicle. – 1931. – Mar. 27.
14. The New Statesman and Nation. – 1930. – Aug. 30.

REFERENCES

1. Klyuchnikov Yu.V., Sabanin A., eds. *Versalskiy dogovor. Itogi imperialisticheskoy voyny. Seriya mirnykh dogovorov* [The Treaty of Versailles. Results of the Imperialist War. The Series of Peace Treaties]. Moscow, Lenizdat NKID Publ., 1925. 196 p.
2. Gazin V.P. *Germanские монополии и политика pravitelstv Veymarskoy respubliki v Tsentralnoy i Yugo-Vostochnoy Evrope (1925-1932)* [German Monopolies and Government Policies of the Weimar Republic in Central and South-Eastern Europe (1925-1932)]. Sverdlovsk, UrGU Publ., 1988. 204 p.
3. Zubachevskiy V.A. *Politika Germanii v otnoshenii Polshi v svyazi s problemoy Dantsiga (Gdanska) i "Polskogo koridora": dis. ... kand. ist. nauk* [German Policy Toward Poland Problem of Danzig and the "Polish Corridor". Dr. hist. sci. diss.]. Tomsk, 1986. 242 p.
4. Potemkin V.P., ed. *Istoriya diplomatii. T. 3. Diplomatiya v period podgotovki vtoroy mirovoy voyny (1919-1939 gg.)* [History of Diplomacy. Diplomacy During the Preparation of the Second World War (1919-1939)]. Moscow, ORGIZ Publ., 1945. 883 p.
5. Klimovskiy D.S. *Germaniya i Polsha v Lokarnskoy sisteme mezhdunarodnykh otnosheniy: iz istorii zarozhdeniya Vtoroy mirovoy voyny* [Germany and Poland in the Locarno System of International Relations: the History of Origin of the Second World War]. Minsk, BGU Publ., 1975. 288 p.

6. Woodward E.L. et al., ed. *Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 1A. Vol. 7. German, Austrian and Middle East Questions 1929-30*. London, Her Majesty's Stationery Office, 1975.

7. Woodward E.L. et al., ed. *Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 2. Vol. 1. London Naval Conference and European Affairs 1929-31*. London, Her Majesty's Stationery Office, 1946.

8. Woodward E.L. et al., ed. *Documents on British Foreign Policy, 1919-1939. Ser. 2. Vol. 2. Austrian and German Affairs and the World Monetary Crisis 1931*. London, Her Majesty's Stationery Office, 1947.

9. Gilbert M. *The Roots of Appeasement*. London, Weidenfeld & Nicolson, 1966. 187 p.

10. Hall Ch. *Britain, America and the Arms Control, 1921-1937*. New York, Leamington Spa, 1987. 283 p.

11. *Memorandum sur l'organisation d'un regime d'union federale europeenne* [Memorandum on the Organization of the European Federal Union Regime]. Available at: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k5613159m/f3.image> (accessed June 17, 2014).

12. *The Foreign Affairs*, 1930, Oct. (XII).

13. *The News Chronicle*, 1931, March 27.

14. *The New Statesman and Nation*, 1930, Aug. 30.

GREAT BRITAIN AND GERMAN-POLISH RELATIONS, 1929-1931

Zotova Ekaterina Viktorovna

Postgraduate Student, Department of International Relations and Foreign Area Studies,
Volgograd State University
romanovakatya34@gmail.com, nnsh@volsu.ru
Prsp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article deals with the study of British-German relations during the period of exacerbation of territorial disputes between Germany and Poland in 1929-1931. Germany was making plans for revising the eastern borders. It sought to enlist the support of the new Labour government. Britain didn't only approve of Germany's intention to carry out revision of the Treaty of Versailles (reparation issue, the evacuation of the Rhineland and the change in the German-Polish border), but also supported the strengthening of the political and economic situation in Germany as a whole.

Assistance to Germany was advantageous for Britain. Firstly, the British support helped to improve the capacity of the purchasing power of the German market as one of the traditional markets of the English sale. Secondly, the strengthening of the position of the German cabinet meant failure of the French policy in Europe at this stage. The defeat of France in a dispute on the issue of early evacuation of the Rhineland would seriously devalue the foreign policy initiatives of Paris. Thirdly, the British government hoped that Germany will go into orbit of British political influence. The identity of the positions of the German and the British cabinets were considered as the components of British policy success not only in relations with France and Italy, but also with Czechoslovakia and Poland.

Since the formation of the MacDonald's cabinet, anti-Polish moods increased in the British course for the settlement of German-Polish relations. However, the threat of an attack on Poland by Germany was regarded by the government of Britain as unacceptable way of resolving the German-Polish conflict.

Britain tried to follow the traditional foreign policy concept of "balance of power", but the inefficiency of British policy "mediation" in European affairs was clearly shown in times of growing financial and economic crisis. The issue of the German-Polish border remained unsolved.

Key words: German-Polish relations, British diplomacy, labourists, Central Europe, liquidation agreement, H. Bruning, H. Rumbold, London Naval Conference 1930.